

ЭТЮД В НАВИГАЦИОННЫХ ОГНЯХ

Когда выходишь на мостик ночью, глаза должны долго привыкать к темноте. Она обрушивается на тебя после светлого коридора и в первое мгновение ошеломляет. Границу света и тьмы ощущаешь почти физически и невольно замираешь, пытаясь понять, что же происходит вокруг. Наверное, так замирали наши предки, откинув шкуру, отделяющую уютную, согретую теплом костища пещера от враждебного черного мира.

Потом глаза постепенно призывают, и становится ясным, что темнота на мостике вовсе не такая уж черная и тем более враждебная. Светляками горят индикаторные лампочки на приборах, приглушенно-красным кольцом выделяется подсветка компаса, подмигивает большим зеленым

глазом экран локатора, а впереди, возле лобового стекла, свечется огонек сигареты. А вон еще один, еще...

Обычно вахту на мостике несут двое, но сейчас кроме них здесь капитан и все помощники — проходим узкость Дарданелл.

Берега пролива только угадываются по границе, отделяющей

звездное небо от темной воды, и по россыпи огней на берегу. На

левом — азиатском — их больше,

они тянутся непрерывной линией; на правом — европейском — меньше, они расположены небольшими группами. От одной

группы к другой, то вновь исчезая, то появляясь, перемещаются

хвостом вперед небольшие

кометы — фары автомашин, едущих вдоль пролива. Пролив тоже

кишит огнями. Одни довольно

быстро перемещаются поперек нашего курса — это катера, соединяющие берега. Другие как бы возникают далеко впереди и, почти не изменяя положения, постепенно увеличивают яркость. Это встречные суда, и чтобы определить, как они движутся, нужно знать целую науку: о навигационных огнях.

Применяя ее, капитан может, например, сказать: если встречное судно светит слева впереди зеленым огнем, то оно собирается пересекать его курс, а если при этом огонь не смещается ни вперед, ни назад, то встречный собирается пересекать не только курс, но и само судно. Впрочем, туристу, путешествующему на красавце-лайнере и любящемуся ночными Дарданеллами, знать это совершенно не обязательно.

Наоборот, так спокойней себя чувствуешь.

Мы не туристы, и наблюдение на мостике ведется по всем правилам навигации.

— Справа двадцать — красный, — докладывает вахтенный.

— Вижу, — отвечает капитан, — что по корне?

— По корне чисто.

— Хорошо, приготовиться к повороту.

Навигационную ситуацию можно четко рассмотреть на экране локатора — круглого, выпуклого блюда, на котором вращающийся луч рисует понятные моря картинки.

В центре вращения луча — наш теплоход. Четко обозначаемые при каждом обороте пятнышки — другие суда. Некоторые из них помечены квадратиком со стрел-

кой. Это значит, что они движутся, умный прибор сам определил величину и направление скорости. Кстати, такая же стрелка есть и у изображения "Тараса Шевченко". Судно, представляющее для нас наибольшую опасность, может быть помечено треугольником. В этом случае числовые данные о курсе, скорости, дистанции, времени пересечения нашего курса и минимальное расстояние высвечиваются на специальном табло рядом с данными "Тараса Шевченко". Если минимальное расстояние оказывается слишком минимальным, то умный прибор еще и гудит.

Берега канала изображаются на экране в виде больших искривленных пятен. Когда я в Одессе в первый раз увидел сигнал локатора, меня удивило, что

— До чего же мутит от этих "палевых облаков, витиеватых, словно кружева, сотканые ласковыми, сладострастными пальчиками заморских мастерий". Интересно, почему заморских? Своих, что ли, не хватает? Эти сравнения приходят в голову... Кстати, кому такое в голову приходит? Никак любителям засахаренных фруктов и домашнего варенья. Впрочем, что плохого в домашнем варенье? Сидишь янтарским вечерком в уютной маленькой квартирке, пытаешься отогреть маслянистым радиатором застывшее от еле теплых батарей и зимней выоги худосочное тельце, трескаешь бутерброд с вязкой клубничной, сливовой, абрикосовой вкуснятины. Трескаешь, пардон, вкушаешь и ташишься, пардон, восторгаешься от прочтения какого-нибудь романа, где эти самые палевые облака так и стоят на небесном своду, словно в них смысл всей нашей бренной хомо-сапиенской жизни. Фу. Что фу? Витать в облаках... Не это ли предел бабьих, пардон, дамских мечтаний? Пожалуй, "пардонов" много. Может быть, отбросить условности некой псевдоинтеллигентной культуры и не стесняться выражений грубой, но реальной жизни? А что, собственно говоря, псевдоинтеллигентного в палевых облаках, сладострастных пальчиках и витиевато сотканых заморскими мастерами кружевах? Да, ничего. Разве что за всеми этими кружевами частенько не видно замысла писателя. Нашел привлекательные образы, оформил в нечто, якобы целостное, и... подсунул впечатлительным дамочкам. Дескать, пусть внемлют игре красивых слов, надо же их приобщать к прекрасному. И срабатывает же! С женщинами вообще многое "мужское" срабатывает.

Подобные мысли не раз приходили в голову Марте. Вот и сегодня она этим грешила. А как все хорошо начиналось: солнечный день, бег трусцой, обливание ходячей водой, удачно завершенное дело на работе и вообще — хорошее настроение... А вечером она решила погрузиться в чтение современного романа. Погрузилась. Вот "приятность" и закончилась. Осталось только ощущение, будто съела что-то приторно-сладкое. Ее даже затошило. Марта вспомнила, что в юности любила одну любовную лирику. Но прошли годы, и однажды пришло прозрение, которое тоже вызвало у нее такие же ощущения. Она обнаружила во многих стихах одну нехитрую особенность: вместо того чтобы воспевать любовь, некоторые поэты лелеяли свои страдания. Создавалось впечатление, что им безразличны собственные Музы. Зато страдания, которые дамы причиняли своей холодностью, жестокостью, ветреностью (и т. д.), возводились до вершин Абсолюта, швырялись к стопам Отца Небесного: дескать, смотри, Папа, как я красива во страдаю. Она меня "кинула", а я

стихи пишу, изливаю свою боль с нежным надрывом. Когда же Папа внезапно обращал внимание на страдания и посыпал счастливую (по его, Папиному, понятию) любовь, пинт не реагировал. В лучшем случае ограничивался весьма банальными фразами вроде: она молода, красива и тихо влюблена, но... не люблю ее я, не люблю. Вот ту заряду, стерву и кокетку — да, но не ее... И в самом деле: кому нужна дева, любящая тихо, нежно и без элементов игры? Зачем тихая любовь? Ведь когда на душе покой, писать стихи, как правило, не хочется. Короче говоря, душевный мазохизм. Впрочем, им болеют не только поэты. Да и не все поэты им болеют.

Кстати, о Папе, то есть об Отце. Ее давно "достали" некие искатели "единой истины", пытавшиеся свои экзистенциальные поиски уместить в целую тираду умозаключений. Мыслители и философы "от экзистенции" часто приходили в редакцию городской газеты, где она работала. По роду журналистской деятельности Марте приходилось сталкиваться с разными людьми, но порой бывали просто диковинные экземпляры. Один такой однажды зашел к ней в кабинет. Лысый, как бильярдный шар, плотный, словно мешок с цементом, заявил без зазрения совести, что он... истиновед. Вначале Марта решила, что это городской сумасшедший, но он настаивал на своем — истиновед. Его истина была несложной — десять заповедей, которые дядечка, как лучший сын своей отчизны, получил, подобно Моисею, в наследство от Самого. Заповедями оказались десять пословиц и поговорок о пользе сна. Истиновед доказывал: чем больше человек спит, тем больше познает истину. Жаль, что он не пришел в редакцию через два дня, когда открыл свою истину другой товарищ, внезапно осознавший: все люди плохи тем, что давно и беспробудно спят, а истина как раз в том, чтобы проснуться. Правда, они оба не видели еще одного своего "коллегу", прибывшего с целью просвещения нездорового душой и сознанием народа и, конечно же, коллектива редакции газеты. А суть учения проста — йоговские упражнения, которые он недавно освоил, благодаря чему добился "просветления". Несмотря на все усилия Марты не допустить демонстрации телодвижений, новоиспеченный йог встал в позу "всадник" и пытался (своряя специальное йоговское дыхание) так громко, что на эти странные звуки сбежались сотрудники из близлежащих комнат и проводили его "под белы рученьки". Весь в пути от титанических усилий, "всадник" ускакал, бормоча: "Мир ужасный! никто не желает меня слушать". Письма, поступавшие порой в редакцию, тоже отсвечивали экзистенциальностью. Например, дворник, которого беспокоила грязь в подъездах домов, сравнивал ее со

всемирной паутиной, опутавшей мозги, тела, да и всю жизнь плохих людей-разумных. Правда, свое эссе закончил "поэтическим" изыском "бл...дь", употребив его трижды. Еще один опус прислала некая "осознанная" старушка, которая вначале выплеснула весь гнев на голову "плохой" невестки, а затем призналась, что на старости лет прозрела относительно десятилетнего внука. Мальчик оказался ни мало, ни много "психической блокой" и "демоном". Резюме старушки таково — весь мир несет ся в пропасть, и только она да еще пару хороших бабушек спасутся.

Все эти искатели смысла жизни, не сговариваясь, сходились во мнении: главное наследие, полученное людьми в подарок от Всевышнего, — любовь. Сами-то они никого не любили, но каждый ожидал от людей великого и безусловного чувства. Они давно вышли из детского возраста, и для них стала неактуальной фраза пролетарского писателя: "Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: что такое хорошо и что такое плохо?" — но они все равно по-детски чертили

моему, она и мужчина часто меняет, чтобы всякий раз была возможность начистить чайник "бывшему". В том, что виновата сама, признаваться не хочет. Мстит музыку за его душевную недоделанность. Жаль их дочь. Ведь она обожает отца. А Ирка ей гадости о нем говорит. Они из-за этого в "контрах". Что-то опять я мыслю как-то негармонично — сленгами да полуфразами. Надо вспомнить "палевые" облака, представить себе их утонченность... Нет, лучше представить себя облаком, глазящим на землю, на маленькие домики и высотки. Представить и леть... Слова какие-то вертятся в голове. Так...

Зелень сочная струится, растекаясь травами, сердце открывает миру... Свет природных форм, завершенный запахом и силой, духом жизни, радугой ветров, растворяет стены из бетона и подчеркивает неподвижность тел... Тел, чьи души в камни превратились.

Он и слово таких не слыхивал. "Наверное, врачи постепенно призывают смотреть в лицо смерти, печать которой всегда в глазах умирающих..." — думала Марта. Но врачи признавались, что не могут привыкнуть. Говорили, им страшно.

У Марты было дурное настроение. Сегодня она почему-то вспоминала все самое плохое. Чертова палевая облака, надо же было такое прочитать! Теперь в голову лезут всякие кошмары. Например, как она, словно героиня известной русской сказки, истоптала кучу железных башмаков, "лазая" по отделениям разных городских и областных больниц, чтобы поговорить с врачами о всевозможных болячках и о том, как их следует избегать. Вспоминала, как всякий раз медики вешали о профилактике заболеваний, а больные смотрели на журналистку, как на привидение. И неудивительно. Она не похожа на них — пока еще здоровая. Пока. А это страшное потрясение, которое ей пришлось пережить в отделении гемодиализа областной больницы! Когда-нибудь ученыe найдут более эффективные методы

ПАЛЕВЫЕ

границу между этими понятиями. Чертить в свою пользу. Чет — хорошо, если мне хорошо; нечет — плохо, если мне плохо. Нечет — если кому-то хорошо, от этого мне плохо; чет — если кому-то плохо, какое мне до этого дело? Почему? Просто каждую секунду своего существования они чувствовали себя недолюблившими.

— День удался — саркастически думала Марта. — Размышления идут "косяком". Как вешал персонаж фильма "Здравствуйте, я ваша тетя": "Я старый солдат и не знаю слов любви..." Слов как раз достаточно, главное — их выучить. "Навешать" о любви можно кому угодно, главное — вовремя самоликвидироваться, чтобы потом за это не получить по роже. Правда, есть такие недолюблиенные маньяки, которые из-под земли достанут, пытаясь отомстить за неоправданные надежды. Лучше всего любовью не играть. Вон Ирка до сих пор мстит "бывшему" за то, что была такой дурой и вышла за него замуж. А на что повелась? На его любовь к красивым словесным образам. Когда марш Мендельсон на затих, муж ей и продемонстрировал свой настоящий образ. Правда, она уже была беременной. Развелась через десять лет, а теперь каждый ее новый муж бьет первому физиономию. Ирка за эти годы тоже научилась красоту из словес лепить. Вот и убеждает "очередного хахаля" в необходимости и осознанности сего акта.

Служба здоровья особенно опасных болезней почек, нежели аппарат искусственной почки? Ведь без него больной не может и три дня прожить. Трудно поверить, что молодые, красивые парни и девушки, мужчины и женщины, с которыми она там познакомилась, смертельно больны. Трудно поверить, что в городе много таких людей... а мест в отделении на всех не хватает...

Ее слово передернуло судорогой, настолько ясно она увидела перед собой глаза пятнадцатилетнего Алеши, лежащего в одном из отделений онкологической больницы. У него был рак костей. С каким трудом ему удавалось передвигаться по палате! Бедный мальчик! Врачи определили срок развития болезни — полгода. Жив ли он сейчас? А эти откровения! Больные часто делились с ней своими мыслями. Например, инспекторы, которые "легко" (частичным параличом) отделались от мозгового удара, говорили о своей мечте — снова стать здоровыми. Они еще надеялись. Те, чье состояние было тяжелым, не могли говорить. Они так же, как Петенька, глядели в потолок, рассматривая неведомо что. Здоровые этого не видят. Пока не видят.

За несколько лет журналистской работы Марта пересмотрела почти все свои взгляды на жизнь. Человеческая боль захлестывала, и становилось неловко за собственную: "Моя страдания? Какая чушь! Все-го лишь уроки жизни. У других эти самые уроки посложнее. Особенно у детей. Им больнее. Взрослому

берег, ясно различимый слева, на экране изображен справа. Но оказалось, что локатор ориентирован по сторонам света, то есть связан с неподвижной системой координат. Впрочем, есть переключатель, позволяющий связать систему координат с судном. В этом случае наш вектор скорости на экране всегда будет направлен вперед, а берега и другие, даже неподвижные суда станут поворачиваться при изменении нашего курса.

Днем экран локатора закрыт черным светонепроницаемым кожухом, смотреть в него может только один человек. Но сейчас ночь, и я вижу сбоку десяток судов-стрелочек, толкующихся вокруг нашего "Тараса Шевченко".

— На курсе? Скорость? — отрывисто спрашивает капитан.

— 250. 10 узлов, — отвечают по очереди рулевой и старпом.

— Добавьте 5 оборотов.

Народу на мостике много, и каждый занят своим делом.

Один штурман у локатора, другой — у карты. На руле старший матрос, которого специально для этого вызвали по судовой трансляции, еще один матрос ведет наблюдение в бинокль. У руки машинного телеграфа — старпом.

— 245, — говорит капитан.

— 245, — повторяет рулевой.

Это значит, что поворот начался. Повернуть предстоит на 60 градусов, но делают это постепенно, по 5 градусов.

— 240.

— 240.

Сдвинулась картина мироздания. Прочный и устойчивый мир огней вокруг тебя дрогнул и пошел вокруг тебя. Махины небесных светил и стоящая лампочка на топе яхты, стоящей на якоре, одинаково вращаются, чуть подрагивая вместе с корпусом судна. И ось вращения проходит уже не через Полярную звезду, а через тебя, стоящего на капитанском мостике.

— 240 на курсе, — докладывает рулевой.

— 235.

Даже не верится, что мы повернули всего на 10 градусов: так далеко ушел маяк, на который мы раньше держали курс.

— 235 на курсе.

— Одерживать.

Обстановка осложняется тем, что одновременно с нами поворот проходит встречный сухогруз. А за ним — еще один. Пароходы медленно сближаются, уважительно подмигают друг другу красивыми ходовыми огнями, и так же медленно расходятся. Впечатление такое, будто два малознакомых джентльмена, встретившись случайно на прогулке, приподняли котелки и чинно разошлись.

Большие пароходы уважают друг друга, чего нельзя сказать о всякой мелочи, днем и ночью шатающейся по проливу. Джонкам и катеркам, кажется, нет никакого дела ни до размеров

встречного судна, ни до правил морской вежливости. Достаточно любопытно наблюдать, как они с отчаянием воробыхи, защищающей птенцов, пытаются протаранить своего собрата, который превышает их по размерам в десятки раз. Впрочем, таранов, как правило, не происходит. Малышами руководят отнюдь не безумство храбрых, а точный, основанный на опыте расчет и простой принцип: время — деньги.

Пока я отвлекся на расхождение с сухогрузом и на катерки, оказалось, что поворот уже окончен. "Тарас Шевченко" лег на курс, слева заискрилась панorama города Чанаккале, а справа впереди выступил из темноты подсвеченный снизу силует древней крепости. Из школьного курса истории вдруг всплыло словосочетание "битва при Чанаккале". Кажется, когда-то именно здесь турки сильно потрепали англичан. А может, и на-

оборот. Давно это было: и сама битва, и время, когда я в школе учил историю.

Освещенные в ночи старины стены настолько красивы, что я спускаюсь в каюту за фотоаппаратом. Знаю, что чувствительности пленки не хватит, а давать ручную выдержку бессмысленно: судно движется достаточно быстро, и за 10—15 секунд ракурс успеет ощутимо измениться, — но удержаться не могу.

За моими действиями снисходительно следит капитан. Конечно, он понимает всю тщетность моих попыток и, кроме того, видел эту картину не одну сотню раз. Но, оказывается, вид освещенной крепости и яркого города вызывает у мастера еще и другие ассоциации.

— Вы посмотрите, как ярко освещено, — говорит он. — А ведь это Турция. Страна, у которой совсем нет своей нефти.

Сергей ОСТАШКО.

все-таки легче справиться со своим душевным дискомфортом, а вот детям..." Марта вспомнила, как переживал ее двенадцатилетний сын по поводу развода родителей. Как страдал и пытался дать объяснение случившемуся. Она вспомнила письма, которые Артур написал ей прошлым летом, отдыхая на даче.

"...Ты знаешь, мама, как я хотел поскорее уехать из города. Надоели мне, а еще надоели школа и уроки. Но переступил порог этого старого домика — и стало грустно. Какой-то он другой, слишком ветхий. Еще в прошлом году, когда мы с папой приезжали сюда, все было иначе. Крыша не протекала, да и сарай казался больше. А калитка, которую папа тогда починил, снова покосилась. Наверное, на будущий год я не поеду на дачу, слишком она неуютная..."

"...Сегодня сидели с дедушкой на лавочке у дома. Солнечко светит, а вокруг такая тишина, только пчелки жужжат. И вдруг мне в голову пришла мысль: если бы на один день исчезли все люди в мире! Помнишь, мы с тобой смотрели мультик "Праздник непослушания", где

века, он пойдет туда, попросит здоровья, и его услышат?"

"...Вчера ходил на море с Павликом. Он привез с собой из Одессы огромную резиновую камеру, и мы на ней полдня плавали, плескались возле берега и ныряли. Потом решили строить замок из песка. Так увлеклись, что и не заметили, как камера уплыла в море. Когда Павлик обнаружил это — закричал, заплакал. Оказывается, она была подарена его отцом. А с ним мама развелась еще в прошлом году. Пашка так ревел, что я не выдержал и бросился догонять камеру. И даже забыл, что никогда не заплывал "на глубину". Интересно, когда у моего папы будут деньги, он подарит мне надувную лодку?"

Письма... Люди часто писали в редакцию, пытаясь рассказать о своей жизни. Некоторые просили конкретной помощи — починить крышу, трубу, спасти от хулиганов соседа. Другие делились своими мыслями, страхами. Из всего этого вороха посланий Марте мало что запомнилось. Может, они не смогли затронуть ее душу? Затронуть

— я встретил хорошего учителя. Ты представляешь, он не страдает! Благодаря ему мне с каждым днем становится все забавнее смотреть на "мышиную возню" людей, пребывающих в иллюзии счастливой жизни. Кстати, недавно познакомился с девушкой, и надо же такому случиться — она влюбилась в меня. За что? Цветов и подарков я ей не дарю, комплиментов не говорю. А она твердит, что любит меня просто так, за то, что я есть на белом свете. Такого не бывает. Она наверняка чего-то хочет. Скорее всего, замуж. Думаю, скоро мы с ней расстанемся. Не хочу слушать о том, чего не существует".

"...Все дальше отрываюсь от мирской суеты. Такое впечатление, что я парю над облаками, а вся мишуря где-то там, далеко внизу. Безразличие ко всем людям, влачащим жалкое существование... С девушкой я расстался. Правда, она так рыдала, что в какой-то момент сердце мое дрогнуло. Но потом поговорил с учителем, и он объяснил мне, что истинный путь — без жалости и сострадания. На работе меня обходят десятой дорогой. Го-

прошлые мысли и теории ошибочны. Понял, что все это времена, которое теперь по праву могу называть потерянным, барахтался в жалости к себе, думая, что окружающие видят в моих несчастьях. А ведь мне было так хорошо — комфорт, налаженный быт, работа, девушка, которая меня любила. Все мое философствование ушло на задний план. То, чего я насмотрелся, будущи выброшенным на улицу, по силе воздействия на мою душу не сравнится ни с какими художественными фильмами. Я видел реальных людей, умирающих от голода, среди них были дети; женщин, торгующих собой за несколько гривен, мужчин, сбывающихся в "стай", идущих "на дело". Но от всей этой чернушки у меня, как это ни парадоксально, проснулась жажда жизни. Не буду утруждать тебя подробностями. Скажу только одно: если бы не добрые люди, которые помогли мне, я бы не выжил. А ведь раньше я считал, что добрых самаритян не существует, что это всего лишь сказки для умалишенных.

...Сейчас живу у тетки, родной сестры матери, устроился на работу, но главное: больше не страдаю от болезни юношеского возраста — пессимизма. Чего и тебе желаю. А если начнут мучить раздумья о бренности всего земного, подумай о том, что жизнь иногда преподносит свои уроки, и они не всегда вызывают иллюстрации наших теорий и умозаключений. Надеюсь, смогу убедить тебя при встрече".

Встрече не суждено было состояться. Марта слишком поглотила суета. А потом пришло известие о смерти Саши. Поверить, что его нет... Она поверила. Он перестал звонить и писать письма. Но в голове все-таки не укладывалось, что он умер. Сегодня она впервые почувствовала это так остро. Почему-то ей вспомнилось, как когда-то они стояли на крыше пятнадцатиэтажки, рассматривали облака и делились своими планами на будущее, в которых их жизни если и пересекались, то только на бумаге, то есть в письмах. Тогда они много смеялись, и Саша называл ее Малышом, а себя — Карлсоном.

Для Марты никогда не имела значения сказка о толстом человечке Карлсоне. Но Саша знал: один эпизод этой сказки ей нравился всегда — прогулка по крышам. Он один знал, как часто она там бывает. Откуда такое странное пристрастие? Просто однажды, стоя на крыше, Марта прочувствовала долгожданный миг свободы. Свободы от тесных стен, уличной суеты, толчей в общественном транспорте, бесконечной спешки, постоянных опасений чего-то не успеть, не сделать. Где-то там проезжают машины, скрипят тормозами и сигналят прохожим, бегущим по своим делам. А здесь можно стоять, подобно неподвижному сфинксу, наслаждаясь красотой своего города и кратким мигом "ничегонеделанья". Именно на крыше она впервые прочувствова-

ла значение строк, написанных Анной Ахматовой: "Неистощима только синева небесная и милосердье бога". Удивительное проникновение в душу этих слов нестерлось даже со временем. Не растворилось во времени и желание, стоя на самом краю крыши, раскинуть руки и, подобно чеховской героине, произнести: "Я — чайка!" Но произнести, не как она: печально и обреченно, сидя, что земля не носит на себе ни единого живого существа, что на лугу уже не просыпаются с криком журавли, а майских жуков не слышно в лиловых рощах... А сказать радостно и легко. И потом улететь. Пусть недалеко — в сторону Приморского бульвара, чтобы с крыши дворца графа Воронцова полюбоваться влюбленными парочками. Или на Потемкинскую лестницу, чтобы насладиться видом Одесского порта. А может быть, на вокзал, где пересекаются пути многих людей, где рождаются надежды, где девушки ожидают из дальних странствий своих избранников, и где не только романтические поэты, но и "крутые" меломаны черпают свое вдохновение. Туда, где сбываются сны...

Мысли, воспоминания, фантазии. Сегодня Марте не хотелось на крышу. Сегодня она до боли ощущала, что в ее жизни наступил некий предел. Предел надеждам, планам, представлениям, мыслям, чувствам, словам, делам. Словно она дошла до какой-то черты, а кто-то настойчиво велел ей остановиться. Не сана ли? "Может, это предел моей любви к жизни? Но есть ли предел у любви?" — думала она. Перед глазами возникли лица сына, родителей, друзей, сослуживцев. И сразу же нахлынули чувства. "Как же я люблю их! И жизнь..." — засмеялась она. Но тут ее снова передернуло: "А смерть?" Она замерла, ожидая ответа от самой себя. В душе появились сомнения и страх. И вдруг Марта поняла: она любит даже смерть. Ведь именно эта "старуха с косой" подталкивает людей к прощению врагов и обидчиков. Именно эта "злодейка", забирая родных, близких и друзей, пытается научить человека любить их по-настоящему и предлагать оценить такое краткое, полное творческих идей, но порой такое мучительное и абсурдное существование. Но главное — смерть с каждого без исключения срывает покровы иллюзий, лишая самодовольства, и ведет, словно поводырь слепого, к одной единственной истине — равенству. От этих простых мыслей стало намного легче, и Марта облегченно вздохнула. Перед ее глазами мелькнула удивительная картина: все до единого люди стоят на одной огромной крыше, полностью прикрывющей земной шар, иглядят в небо, гадая, на что же похожи проплывающие над их головами бледно-желтые с розоватым оттенком облака. Палевые облака. Люди счастливо улыбаются, и в их глазах нет страха.

Татьяна ОРБАТОВА.

дети остались одни без родителей в большом городе? Мне хочется, чтобы остались только ты, я, папа, бабушка и дедушка. Гуляешь спокойно по улицам Одессы. Нет пьяниц, наркоманов. Нет бомжей. И главное — пустые "Мерседесы" и джипы. Можно отыскать себе машину получше и играть несколько часов в водителя. И еще представляешь, мама, целый день без криков тети Зои с третьего этажа и кривляний Лепика? Как хорошо!

Например, папа мог бы зайти в самый престижный банк, сесть в кресло управляющего и почувствовать себя человеком. Может, из-за того, что ему не хватает уверенности в себе, он не нашел работу и стал пить?

Для тебя я сам выбрал бы модные сапожки на высоком каблуке, платье и лучшую косметику. Тебе это очень нужно. Будешь снова такой же молодой и красивой, как раньше. А еще я взял бы для тебя на цветочном базаре самые красивые букеты роз. Что нужно бабушке, ты сама знаешь — политические новости. Но если нет людей, какие новости? По крайней мере, бабуля один день не смотрела бы телевизор и не слушала радио.

Иногда мне кажется: достаточно поверить в чудо, и оно произойдет. Но сколько ни пытаюсь верить, ничего не получается. Вот и дедушка у нас неверующий. Видно, совсем отчаялся, но держится, говорит, надеяется надо только на себя. А сам такой слабый, больной. Может, если исчезнут все люди и в церкви не будет ни единого чело-

так, как это удалось ее другу детства. Она будто услышала его голос: "Привет, Малыш!" Саша... Как жаль, что его нет в живых. Какие-то подонки его убили. Все, что осталось на память о нем: небольшое фото и письма.

"...Привет, Марта! В моей жизни много неудач, и ты это знаешь. Недоласканый сын, нелюбимый мужчина и попросту невезучий — все это я. Постоянное неудовольствие судьбой погрузило меня в отчаяние и пессимизм. Надежда отыскать смысл своего существования не оправдалась, и со временем жизнь окрасилась в черный цвет. Я стал принимать все меры предосторожности, чтобы оградить себя от боли. Счастье, любовь, любимое дело утратили для меня свой смысл. Очевидным стало то, что все в этой жизни: рождение, разлука с любимой, неудовлетворенное желание, смерть — приносит одно страдание. Любая привязанность ко всему земному стала мукой. Поняты теперь взгляды Гейне, который смотрел на жизнь, как на бедствие, поскольку видел в сердцах людей ложь, лицемерие, а в их жизни — нищету. По моему мнению, сумма страданий превышает сумму наслаждений. Поэтому счастье недостижимо, его в действительности не существует. А значит, надо выработать в себе равнодушие ко всему, подавлять желания..."

"...Знаешь, уже удается лучше контролировать свои эмоции. Этому способствуют некоторые методики развития духа. Мне повезло

встречи с той, кто не верит, кто не знает, кто не любит. И это помогает. Но сколько ни пытаешься верить, ничего не получается. Вот и дедушка у нас неверующий. Видно, совсем отчаялся, но держится, говорит, надеяется надо только на себя. А сам такой слабый, больной. Может, если исчезнут все люди и в

церкви не будет ни единого чело-

века, он пойдет туда, попросит здоровья, и его услышат?"

"...Вчера ходил на море с Павликом. Он привез с собой из Одессы

огромную резиновую камеру, и мы

на ней полдня плавали, плескались

возле берега и ныряли. Потом

решили строить замок из песка.

Так увлеклись, что и не заметили,

как камера уплыла в море.

Когда Павлик обнаружил это —

закричал, заплакал. Оказывается,

она была подарена его отцом.

А с ним мама развелась еще в

прошлом году.

Пашка так